

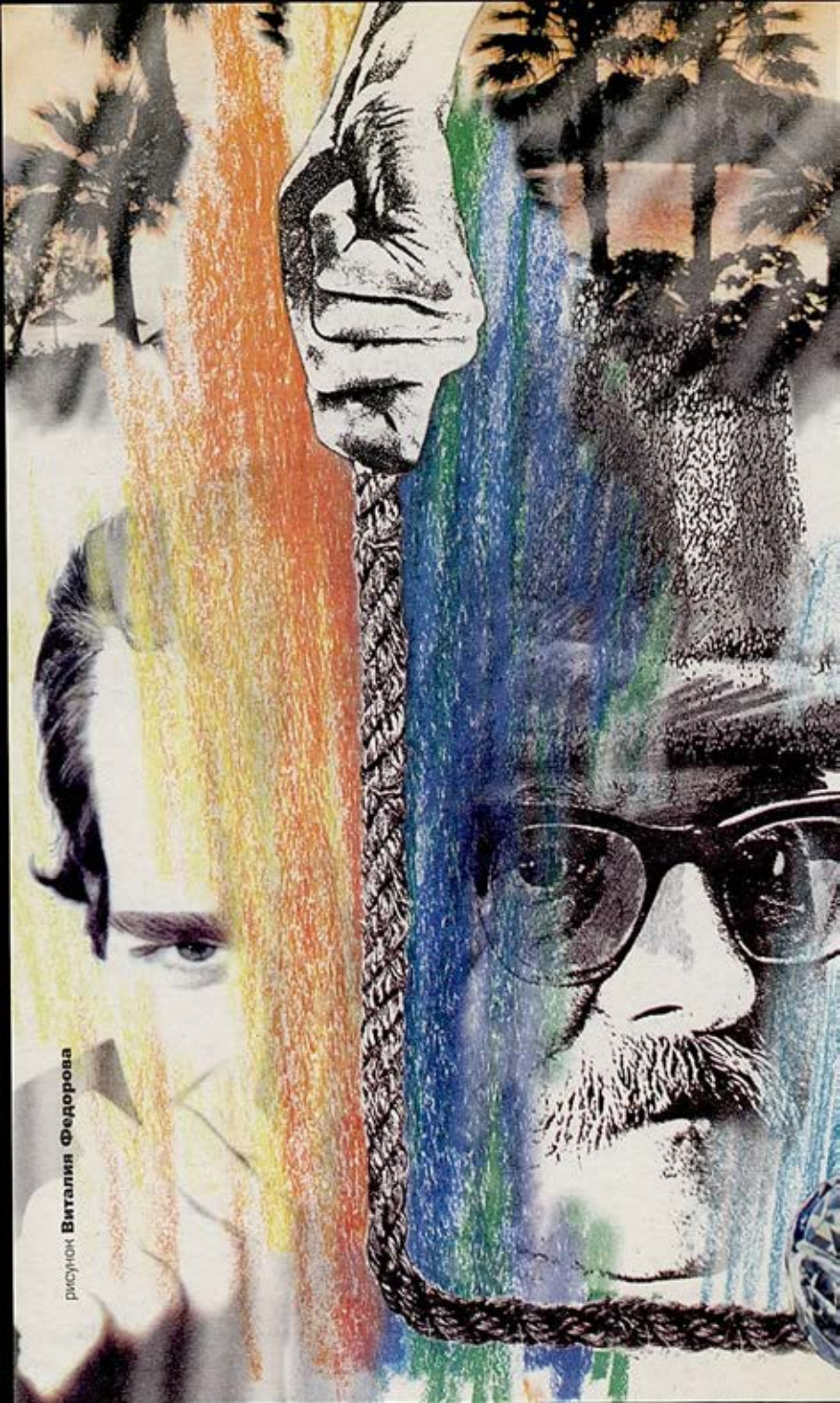
СМЕНА

сентябрь
2001

Георгий Жуков
Полкранки

Александр Экштейн **Лунные бабочки**

рисунок **Виталия Федорова**

Грезы мистера Файндлейтера

Алан Александр МИЛН

1

Мистер Эрнест Файндлейтер, банковский менеджер, сорока восьми лет от роду, примерный семьянин, частенько грезил наяву. Разнообразием его грезы не отличались. Их было всего две, но каждую мистер Файндлейтер трепетно любил.

В первой он и очаровательная туземная девушка (ну, не совсем туземная, с примесью европейской крови) лежали бок о бок на белоснежном песке острова, затерянного в теплых водах Тихого океана. Он — в шляпе из пальмовых листьев, которую сплела для него девушка, она — в ожерелье из кораллов, которые он нанизал на нитку. Никакая другая одежда не скрывала красоты их обнаженных тел. Мистер Файндлейтер мог позволить себе такую роскошь, поскольку шесть месяцев, предшествующие событиям, о которых он грезил, ушли на вырубку деревьев, постройку хижины, короче, на обустройство нового места жительства, и превратили его почти что в Аполлона. Скоро они войдут в лазурную воду (“без шляпы”, всякий раз напоминает он себе) и неторопливо поплывут к коралловому рифу. Мистер Файндлейтер теперь плавает, как рыба. Поначалу он хотел спасти девушку от акулы, но вскорости отбросил столь глупые мысли. И не только потому, что акулы пришлись бы совсем некстати в нежащейся под жарким солнцем лагуне. Девушка уже принадлежала ему, так к чему ненужное геройство? Потом, столь же неторопливо, они вернутся на берег, выпьют... кваса? кавы? — Файндлейтер отметил про себя, что надо посмотреть в энциклопедии названия местных напитков: точность нужна и в самых мелких деталях, угостят друг друга сочными гуавой, индийскими финиками, гранатами. И займутся любовью. А может, лучше наоборот: на первое — любовь, напитки и фрукты — на второе? Что ж, решать он предоставит Лаладж. Именно так он ее назвал. Поначалу он остановил свой выбор на Хула-Хула, но потом выяснилось, что так называется то ли тропическая птичка, то ли танец.

События второй грезы разворачивались в Англии. Он возвращается домой из Консервативного клуба Эксминстера и видит стоящий у ворот автомобиль. А когда открывает входную дверь, из кухни выбегает залитая слезами Бриджет. “О, сэр! —

причитает она. — Госпожа! Госпожа!” Над головой слышатся решительные шаги. На лестнице появляются ноги доктора Мэнли. Вот он спускается в маленький холл, дружески кладет руку на плечо мистера Файндлейтера. “Мужайтесь, Файндлейтер, — молвит он. — Смерть, этот Великий Потрошитель. Рано или поздно нас всех ждет такой же удел. Обширный инсульт. Я ничего не смог поделать”.

Если кто-то подумал, что одна из грез являлась естественным продолжением второй, то это не так. В голове мистера Файндлейтера эти грезы существовали совершенно автономно, не пересекаясь, не накладываясь друг на друга. В первой Минни не было и в помине, ни в прошлом, ни в настоящем. Естественно, ей не было места на маленьком островке с белоснежным песком, но мистер Файндлейтер, отправляясь туда, отказывался захватить с собой даже воспоминания о жене. Из прошлого он помнил лишь шесть месяцев, которые ушли на то, чтобы сбросить лишний жир, нарастить мускулатуру и приобрести должный загар, дабы Лаладж не могла перед ним устоять. Поэтому можно утверждать, что истоки этой грезы надо искать в том знаменательном дне, имевшем место не быть двадцать лет тому назад, когда мистер Файндлейтер решил не просить Минни выйти за него замуж, или, попросив, получил отказ. Во всем мире не было никого, кроме него и Лаладж. В прошлом, настоящем и будущем.

Не следует также думать, что мистер Файндлейтер принадлежал к тем мужчинам, которые жаждали амурных приключений в реальной жизни, но он мог только мечтать о них, потому что ревнивая жена держала его на коротком поводке. Он не воспринимал Лаладж как любовницу. Она дарила ему все то, что он хотел бы получить от Минни, увы... Ведь хотелось-то мистеру Файндлейтеру совсем ничего: взаимопонимания, дружеского общения, оценки по достоинству, любви, добрых слов, счастья, покоя. А раз у Лаладж было все то, что отсутствовало у Минни, ей досталось и прекрасное тело, которого она совершенно не стыдилась. И его тело не вызывало у нее пренебрежительных комментариев. Вот они и лежали бок о бок, одни в целом мире, на белоснежном песочке, у ласкового океана, и болтали, как закадычные друзья. Лаладж говорила на английском с таким очаровательным акцентом (по мнению мистера Файндлейтера, ее отцом был ирландец, выбравшийся на остров с потерпевшего крушение корабля), что хотелось просто лежать и слушать ее голосок, как он слушал бы божественную музыку. Иногда, уже по возвращении в реальную жизнь, мистеру Файндлейтеру казалось, что голосок Лаладж — это лучшее, что у нее есть.

Вторая греза также была завершенной и самодостаточной. Ее осуществление, если бы такое могло случиться, не привело бы к тому, что мистер Файндлейтер первым же рейсом отправился бы в Южные моря, в надежде встретить настоящую Лаладж. Ее

осуществление само по себе безмерно осчастливило бы мистера Файндлейтера. Завтракать по воскресеньям в постели только потому, что ему хотелось завтракать по воскресеньям в постели; решать кроссворд или раскладывать пасьянс по вечерам, не слыша реплик “опять этот вечный пасьянс” или “вечный кроссворд”; читать то, что хотелось (любил мистер Файндлейтер приключенческие романы и не считал, что читают их только дети); сидеть и грезить наяву для удовольствия, а не с тем, чтобы отвлечься от криков жены, закатывающей ему очередной скандал; болтать на вечеринке с симпатичной женщиной без того, чтобы на обратном пути ей перемыли все кости, а ему напомнили о его седине, лысине, глухоте и боли в суставах, по причине наличия которых любая симпатичная женщина могла общаться с ним исключительно из жалости... Мистер Файндлейтер мог бы продолжать и продолжать, перечисляя те блага, которые несла с собой восхитительная фраза доктора Мэнли: “Я ничего не смог поделать”.

Вот тут большинство читателей могло бы сказать, что реализация первой грезы мистера Файндлейтера потребовала бы чуда, тогда как осуществление второй — дело житейское: жена, случилось, умерла раньше мужа. Но мистер Файндлейтер придерживался противоположного мнения. Он мог бы поверить в исполнение первой грезы, но не второй. Весь жизненный опыт мистера Файндлейтера говорил за то, что вторая греза так и останется грезой. Если уж кому и суждено умереть, так только не Минни...

И внезапно в голове мистера Файндлейтера начала формироваться третья греза. Зачата она была, хотя в тот момент мистер Файндлейтер об этом не подозревал, в туалете Консервативного клуба Эксминстера, а родилась в жаркий летний день, когда он спустился с холма на залитую солнцем дорогу и увидел пустой “бьюик”.

2

На ленч мистер Файндлейтер всегда приходил в Клуб. Уважаемый менеджер эксминстерского отделения банка, росточка среднего, с чисто выбритым, меланхоличным лицом. С первого рабочего дня он носил очки в тяжелой роговой оправе, которые не столько улучшали его зрение, как придавали солидности, из одежды отдавал предпочтение короткому черному пиджаку, серым фланелевым брюкам и котелку. Этот демократичный наряд облегчал ему путь к сердцам как городских, так и сельских клиентов. Он подумывал над тем, чтобы написать историю Эксминстера, но к работе еще не приступал, хотя друзья уговаривали его взяться за перо, а Минни — отговаривала. Мистер Файндлейтер находил, что думать легче, чем делать.

В тот знаменательный день после ленча мистеру Файндлейтеру приспичило пойти в туалет, и, как обычно, он запер дверь

кабинки на задвижку. Какой-то дефект в задвижке привел к тому, что мистер Файндлейтер не смог открыть дверь. После нескольких неудачных попыток он уже начал склоняться к мысли, что должен поступиться своим достоинством и позвать на помощь, потому что иначе в банк ему не попасть. Однако подумал, а нельзя ли вылезти через окно, открыл нижнюю половицу, выглянул наружу и, к своему изумлению, обнаружил, что до земли добрых тридцать футов. А стена с окном туалета расположена так, что его не видно ни из окон первого этажа клуба, ни с улицы. В общем, будь у него веревка в тридцать футов длиной, он бы мог самостоятельно выбраться из кабинки. Веревки, однако, не было, и перед тем, как сдаться, мистер Файндлейтер предпринял еще одну отчаянную атаку на задвижку. И, видать, застал ее врасплох. Резкий, решительный рывок и... "Победа!" — триумфально воскликнул мистер Файндлейтер и покинул кабинку с гордо поднятой головой. Выходя из клуба, он заметил, как Роджер, клубный швейцар, оторвался от газеты, взглянул на него и вычеркнул из списка членов клуба, остающихся на вверенной ему территории. "Наверное, я ухожу последним, — подумал мистер Файндлейтер. — До пяти часов клуб, скорее всего, пустует. Интересно, чем занимается в это время Роджер?"

Несколько недель спустя мистер Файндлейтер вновь оказался в неприятной ситуации. На поезде он поехал на деловую встречу с очень важным клиентом, которого болезнь временно приковала к койке. За ним прислали "роллс", накормили ланчем, а после завершения всех дел предложили отвезти на станцию. Но день выдался чудесный, он никогда не бывал в тех местах, а потому выразил желание прогуляться до станции пешком. Хозяин поместья дал мистеру Файндлейтеру подробные инструкции, которые вылетели из его головы после первой сотни шагов. А уж полчаса спустя у мистера Файндлейтера не осталось ни малейших сомнений в том, что он заблудился. Окружающая территория по плотности населения могла конкурировать с островом Лаландж. Продвигаясь, как он надеялся, в правильном направлении, мистер Файндлейтер вышел-таки к асфальтовой дороге. Устремился к ней, продрался сквозь зеленую изгородь и, к своему облегчению, увидел стоящий в двадцати ярдах от него легковой автомобиль. Это творение цивилизации попало ему на глаза очень даже вовремя, потому что мистер Файндлейтер уже начал паниковать. А теперь он с легким сердцем зашагал к автомобилю, в уверенности, что ему укажут кратчайший путь до станции, а может, и подвезут. Этот уголок Англии мистеру Файндлейтеру уже изрядно надоел.

Но в автомобиле он никого не нашел. Он увидел, что окна опущены, то есть дверцы наверняка не заперты. Сие указывало, что водитель и пассажиры (пассажирка?) прогуливаются

где-то поблизости. Мистер Файндлейтер прислушался к голосам, но ничего не услышал. В этот тихий жаркий день вся природа, казалось, дремала, наслаждаясь тишиной и покоем. У мистера Файндлейтера даже возникла мысль, что каким-то чудом его перенесло в мир, где он — единственный представитель рода человеческого, а перед ним стоит волшебный автомобиль, который может двигаться сам по себе. И нечего удивляться, если мгновение спустя он уедет, оставив мистера Файндлейтера посреди дороги. Тут он решил, что в кармане за спинкой водительского сиденья может быть карта, которая позволит ему определить, где он сейчас находится. Мистер Файндлейтер нервно оглянулся, дабы убедиться, что он по-прежнему один-одинешенек, открыл дверцу, сунул руку в карман. Карты он там не нашел, зато его пальцы нащупали некий предмет, который в детективных романах звался револьвером...

Мистер Файндлейтер вытащил револьвер, оглядел его. Как и все страстные поклонники приключенческой литературы, мистер Файндлейтер всегда мечтал о собственном револьвере. Но теперь появился еще один повод для того, чтобы занять оружие. Поначалу мистер Файндлейтер даже мог не вспомнить, какой именно. Просто знал, что револьвер ему необходим, и это первый, а возможно, и последний шанс обзавестись таковым. Даже если хозяин автомобиля вернется, куда ж ему деваться, едва ли он сразу полезет в карман за спинкой сиденья, чтобы посмотреть, на месте ли револьвер. А потом, у него, скорее всего, нет разрешения на ношение оружия, так что он не сообщит о пропаже в полицию. Впервые в жизни мистер Файндлейтер решил что-то украсть, но почему-то он не воспринимал сей поступок, как кражу. Он лишь подчинился Внутреннему Голосу, который заявил твердо и решительно, отсекая любые возражения: *«Не спорь. Бери и уходи»*. Мистер Файндлейтер взял револьвер и ушел. Интуиция подсказывала ему, что идти надо в том направлении, куда смотрел капот автомобиля. Но мистер Файндлейтер опасался, что его нагонят, а потому зашагал в противоположную сторону. Не удивительно, что какое-то время спустя дорога вывела его к железнодорожной станции.

3

Вот тут и проклюнулась третья греза мистера Файндлейтера. Не фантазия, не псевдореальный мир, греза, которая в должный момент могла стать фактом жизни.

Орудие, мотив, возможность: три обязательные вехи, которыми каждый убийца обязательно метит свой путь к смерти. И речь тут идет как о смерти жертвы, так и, во многих случаях, смерти убийцы по приговору суда. Поэтому, чтобы совершить убийство и выйти сухим из воды, необходимо скрыть эти вехи от посторонних глаз. Так уж получилось, что мистер Файндлейтер мог это сделать. Судите сами.

Сокрытое орудие убийства: револьвер. Тот самый револьвер, который сейчас лежал в его сейфе. Выйти через него на мистера Файндлейтера не представлялось возможным.

Сокрытая возможность: окно туалета. Он еще не продумал этот вариант, но знал (по крайней мере, чувствовал, что знает), что окно сыграет ключевую роль в его алиби: Роджер покажет, что он, мистер Файндлейтер, был в клубе в то самое время, когда в клубе его не было.

Сокрытый мотив: с этим вообще никаких проблем. В детективных историях убедительно доказано, что полиция признает только два мотива убийства жены: Деньги и Другая Женщина. Помимо Лаладж, другой женщины у мистера Файндлейтера не было. Образцовый муж, другого слова и не подберешь. Что же касается денег, то они у Минни, конечно, водились, пусть ее состояние и не поражало воображение. Но мистер Файндлейтер уже знал, как избавиться от этой помехи. Благо, время у него было.

Он давно уже убедился, что убийцы всегда в цейтноте, потому что для них убийство — крайнее средство, к которому они прибегают для решения той или иной проблемы. Если ты покупаешь в понедельник фальшивую бороду, во вторник — стрихнин, а в среду уже ходишь в этой самой бороде и подсыпашь стрихнин намеченной жертве, подозрение, естественно, падает на тебя. Но достаточно подождать год, и кто вспомнит о твоих покупках? Имея в своем распоряжении достаточно времени, можно свернуть горы. Вот и мистер Файндлейтер решил не торопиться. На подготовку он отвел год. Всего лишь один год, и его сладкая греза станет явью.

Но к делу приступил в тот же вечер.

— Извини, что спрашиваю, Минни, — начал он, не отводя взгляда от разложенного пасьянса. — Я понимаю, что это твое личное дело, но скажи, ты составила завещание?

— С чего это ты вспомнил о моем завещании?

— Видишь ли, сегодня меня попросили засвидетельствовать завещание одной дамы, у нас в банке это обычное дело, вот я и подумал о тебе. Женщины так редко пишут завещания.

— Наверное, у нее есть деньги, которые она может кому-то завещать. У меня их нет.

— Но твои личные вещи. И, насколько я помню, во время войны ты покупала сберегательные сертификаты.

Минни с неохотой пришлось признать его правоту.

— А какой смысл составлять завещание замужней женщине? Все равно наследником становится ее муж.

— Только в том случае, когда завещания нет. Ты можешь оставить свои вещи и сбережения кому угодно. Бланк можно взять в нашем банке. Морган тебе все объяснит.

— Я вижу, ты уже все за меня продумал. И кому, по твоему разумению, я должна оставить мои бриллианты и норковые шубы?

Мистер Файндлейтер улыбнулся собственной сообразительности и накрыл черной семеркой красную восьмерку.

— Мне.

— Вот уж нет. Но позволь узнать, как ты распорядишься моими вещами?

— Я всегда могу их продать. К примеру, та брошь, что подарил тебе дядя Герберт. За нее можно выручить кругленькую сумму.

— Ну...

— Конечно, до этого дело не дойдет, потому что ты собираешься оставить ее старшей дочери своей сестры. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

— Правильное впечатление.

— Тогда ты должна написать об этом в своем завещании. Иначе брошь отойдет мне, а я могу отдать ее... туз! Ну, наконец-то. Теперь все получится как нельзя лучше. — Возникла долгая пауза, которую мистер Файндлейтер и нарушил. — Этим утром пришло письмо от Роберта. В сентябре Грейс идет в школу. Я тебе говорил?

Через несколько дней Минни составила завещание. Оставила все Кэрри, своей сестре, за исключением броши, которая отошла Моне. Будь у нее гремучая змея, она бы отписала ее Грейс, племяннице мистера Файндлейтера.

Итак, он позаботился о том, чтобы *мотив*, как и *средства*, не могли вывести полицию на него. Оставалась *возможность*. И мистер Файндлейтер, не торопясь, начал готовить себе алиби. Разумеется, вопрос представлял для него исключительно академический интерес.

4

Поначалу мистер Файндлейтер хотел выписать все "за" и "против" своего алиби, на манер Робинзона Крузо, но потом сообразил, что бумаге доверять не следует. Однако ему требовалось доверенное лицо, конечно же, воображаемое, можно сказать, адвокат дьявола, который нащупывал бы слабые места в его планах и помогал от них избавляться. Он сразу же решил, что на этот пост лучшего, чем Лаладж, кандидата просто не найти. Сами понимаете, лежать рядом с Лаладж на мягком песочке, под теплым солнцем и обстоятельно обсуждать с ней возникающие в голове идеи куда приятнее, чем выкладывать их какому-нибудь бывшему суперинтенданту полиции с каменной бульдожьей физиономией. Опять же, в разговоре с Лаладж не было необходимости называть туалет ванной, как пришлось бы, рассуждая на ту же тему (гипотетический вариант) с Минни.

Мистер Файндлейтер. Такова, дорогая, идея. В самых общих чертах. Теперь хотелось бы послушать твои комментарии. Относительно общего плана. Насчет того, как выбираться из окна туалета, мы поговорим позже.

Лаладж. Ты говоришь, у служанки этот день выходной?
Мистер Файндлейтер. Совершенно верно. Иначе ничего не выйдет. Среда — единственный подходящий день.

Лаладж. Тогда тебе следует каждую среду проводить в клубе вторую половину дня.

Мистер Файндлейтер. Очень хорошо, дорогая. Очень хорошо. Сделаю себе пометку (пометка 1). Надо только найти какую-то причину. Что еще?

Лаладж. В Клубе должен быть второй выход, через кухню. Ты должен знать наверняка, что никто не может выйти этим путем незамеченным.

Мистер Файндлейтер. Какая же ты умница, дорогая. Я об этом совсем не подумал.

Лаладж. Когда ты собираешься уйти?

Мистер Файндлейтер. В половине четвертого. Чтобы вернуться без десяти четыре. Разумеется, придется провести генеральную репетицию и уточнить, сколько уйдет времени.

Лаладж. В половине четвертого на кухне должны быть люди, не так ли?

Мистер Файндлейтер. Да, но в этом надо убедиться (пометка 2). Также надо проверить, что и Роджер в этот промежуток времени всегда на посту (пометка 3). Великолечно, Лаладж. Есть еще предложения?

Лаладж (потягиваясь). Пока нет, дорогой. Добавлю только, что я тебя люблю.

Короткий интервал: мистер Файндлейтер забыл о своей третьей грезе, полностью погружившись в первую.

Мистер Файндлейтер (возвращаясь к незаконченному делу). Давай вспомним, на чем мы остановились. Итак, все знают, что по средам вторую половину дня я провожу в клубе. В эту самую среду Роджер видит, как я прихожу на ленч...

Лаладж (сонно). Приходишь с опозданием.

Мистер Файндлейтер. Это еще почему?

Лаладж. Возьми за правило по средам приходить на ленч попозже, чтобы не затеряться в толпе. Иначе показания Роджера поставят под сомнение. Мог ли он заметить тебя, если одновременно мимо него прошло столько людей?

Мистер Файндлейтер. Отлично (пометка 4). Значит, Роджер видит, как я вхожу в клуб, но не видит, как выхожу. Черт, опять неувязка. На обратном пути я тоже могу проскользнуть в толпе.

Лаладж. В три часа попроси Роджера соединить тебя с кем-нибудь по телефону. И пусть это войдет у тебя в привычку. Обращайся к нему с аналогичной просьбой не каждую среду, но раз или два в месяц. Единственный звонок именно в день смерти Минни может показаться подозрительным.

Мистер Файндлейтер. Дорогая, ты прелесть (пометка 5). Очень хорошо. В три часа я был в клубе, Роджер поклянется,

что я не выходил через парадную дверь, люди на кухне (есть у меня такая пометка? Да, есть) поклянутся, что я не выходил через кухню, а других выходов из клуба нет. И все будет выглядеть естественно, потому что каждую среду остаюсь в клубе после ленча. Великолепно. А теперь, дорогая, не сплавать ли нам до рифа и обратно?

Вот так мистер Файндлейтер наконец-то приступил к написанию "*Краткой истории Эксминстера*". По средам банк закрывался рано. Обычно мистер Файндлейтер приходил домой к чаю, чтобы помочь Минни накрыть на стол: у Бриджет, как вы помните, в среду был выходной. Менять что-либо, одобренное Минни, задача не из простых, но мистеру Файндлейтеру удалось с ней справиться. Благо, нашлась и причина, объясняющая его пребывание в клубе после ленча: тамошние архивы содержали массу бесценной информации по истории города. Упомянул он и о том, что миссис Брайс, приезжавшая в Эксминстер каждую среду и заглядывавшая к ним на чай, предпочитает общаться с Минни наедине. В последнем он не грешил против истины. Действительно, не успевал мистер Файндлейтер торопливо выпить первую чашку чая, как ему намекали, что миссис Брайс не будет возражать (Минни, во всяком случае, в этом не сомневалась), если он решит реализовать давно вынашиваемое желание выкосить лужайку. Среда у миссис Брайс была расписана по минутам. Утро она проводила в парикмахерской, на ленч заходила к сестре мужа, потом посещала его могилу. У ворот Балморала она появлялась ровно в 3:45, с тем, чтобы в 5:20 сесть в автобус и уехать домой. Мистеру Файндлейтеру миссис Брайс изрядно поднадоела, но его грела мысль, что именно ей выпадет честь обнаружить тело.

Мистер Файндлейтер. Итак, мы со всем разобрались. Я учел все твои замечания, дорогая, и теперь дорога открыта.

Лаладж. Каждую среду ты приходишь в клуб с пакетом?

Мистер Файндлейтер. Нет. Зачем? Пока я только делаю выписки для книги.

Лаладж. Дорогой! Что бы ты без меня...

Очередная пауза, вызванная возвращением в первую грезу.

Мистер Файндлейтер. Так что ты говорила насчет пакета?

Лаладж. Подумай о тех вещах, которые тебе придется пронести в клуб.

Мистер Файндлейтер. Да, давай подумаем. Так трудно сразу все предусмотреть. Разумеется, мне потребуется веревка и, это очень дельная мысль, Лаладж, полотенца, чтобы она не оставила следов на трубе и подоконнике. Что еще?

Лаладж. Дорогой, тебе же придется изменить внешность!

Изменить внешность! С одной стороны, мистеру Файндлейтеру всегда хотелось заиметь револьвер, с другой — изменить внешность! Конечно же, без этого не обойтись! Но действовать тут надо с умом, не переборщить. Но каким должен быть необ-

ходимый минимум? Насчет одежды понятно: пиджак спортивного покроя и шляпа с мягкими полями вместо черного пиджака и котелка. Может, еще галстук яркой расцветки. Лицо? Очки — убрать, усы — добавить, сгодятся и защечные каучуковые вкладыши. Придется изменить голос, если вдруг кто-то к нему обратится. Походка? Тут помогут подпятники, которые также добавят ему и рост. В детективных романах, кстати, не раз указывалось: загадочный незнакомец в очках с тяжелой роговой оправой всегда вызывал у полиции мысли о том, что предполагаемый убийца изменил внешность. Мистер же Файндлейтер, наоборот, избавлялся от очков, поэтому никаких подозрений у полиции возникнуть не могло.

По делам ему приходилось бывать в Лондоне. Он купил длинные, пшеничного цвета, усы, подстриг их и перекрасил. В другую поездку (и в другом магазине) приобрел подпятники и защечные вкладыши. Из магазина готовой одежды вышел с пиджаком спортивного покроя и шляпой с широкими мягкими полями. Обсудил свои приобретения с Лаладж, и она согласилась с тем, что все идет как по-писаному. Но однажды вечером...

Лаладж. Дорогой!

Мистер Файндлейтер. Что?

Лаладж. Ты умеешь лазать по веревке?

Мистер Файндлейтер. Дорогая, думаю, любой в меру подвижный человек сможет спуститься по веревке.

Лаладж. Но тебе придется еще и подняться.

Мистер Файндлейтер. Ой!

К счастью, как он всегда себе говорил, спешить ему было некуда. Он купил веревку: "хочу, вот сделать качели для моего маленького мальчика, но веревка должна быть достаточно прочная, чтобы при необходимости выдержать и вес матери. Вдвоем они весят примерно столько же, что и я". Теперь ему оставалось только научиться залезать по ней и накачать мускулы. И мистер Файндлейтер с энтузиазмом брался за любую тяжелую работу в саду, чем немало изумил Минни: она уже не знала, поощрять ей новую инициативу мужа или нет. Конечно, тяжелой работы в саду хватало, и она с удовольствием указывала мистеру Файндлейтеру, что и как надо делать. С другой стороны, ей не хотелось, чтобы он оставался крепким и сильным, тогда как она все расплывалась и расплывалась. Она ведь убеждала его, что он слишком старый, чтобы вызвать интерес в других женщинах. Работой по саду мистер Файндлейтер не ограничивался. Утром он делал зарядку в ванной, качал мышцы и по вечерам. А как-то в уик-энд, когда Минни уехала на несколько дней к сестре, снял пиджак и жилетку, обмотался веревкой, надел макинтош и пошел в Лейкхэмский лес. Нашел подходящее дерево, залез на него, закрепил веревку (по предложению Лаладж он научился вязать узлы) и приступил к тре-

нировке. Поначалу дело шло туго, но к моменту ухода из лесу на то, чтобы спуститься вниз, забраться наверх, развязать и сложить веревку, у него уходило две минуты и двадцать секунд. Правда, к этому достижению он шел долгих шесть месяцев...

И он не переставал строить планы, днем и вечером обсуждая с Лаладж мельчайшие нюансы. Ведь он задумал идеальное преступление.

5

Идеальное преступление, как и триумфально поставленная пьеса, требует генеральной репетиции. И вот как-то в июне, в среду, в четвертом часу, за неделю до "Дня Ч", на Поттерс-лейн появился странный мужчина. Ростом выше среднего, с необычной походкой: при каждом шаге он далеко выбрасывал ногу вперед. Мужчина подошел к воротам Бэлморала, помялся, нервно подергал себя за ус, а потом, расправив плечи, решительно двинулся к дому. "Ничего страшного, — убеждал он себя, но, похоже, без особого успеха. — Я всегда смогу сказать, что это шутка". Позвонил в звонок. "Иду, иду!" — раздалось из глубины дома, а минутой позже Минни открыла дверь.

— Сегодня ты рано, дорогой, не так... — она осеклась, увидев перед собой незнакомца. — Ой, пожалуйста, извините.

Мистер Файндлейтер хотел уже улыбнуться, показывая, что прощает ее, но передумал. Начал было снимать шляпу, но остановился, решив, что делать этого не следует.

— Э... здесь живет мистер Сандерс? — приглушенно спросил он.

— Кто?

— Мистер Сандерс.

— Это дом мистера Файндлейтера.

— Ой, простите великодушно. Должно быть, ошибся адресом. — Он вновь приложил руку к шляпе и повернулся, чтобы уйти.

— На Поттерс-лейн Сандерсы не живут. Наверное, вы свернули не на ту улицу.

— Премного вам благодарен.

Он вышел из ворот все той же странной походкой, выбрасывая вперед ноги. На Поттерс-лайн столкнулся нос к носу с миссис Брайс. Она не удостоила его взглядом. Он ответил тем же. До чего же приятно проигнорировать миссис Брайс! Пять минут спустя он уже был в туалете. Еще через пять сидел в библиотеке: кропал "Краткую историю Экминстера".

Генеральная репетиция показала, что препятствий на пути к заветной цели не осталось. Конечно, она несколько отличалась от самого спектакля. Во-первых, предстояло выстрелить, во-вторых, он собирался добираться до клуба задворками, выйдя через черный ход. И быстрее, и безопаснее: вдруг кто-то ус-

лышит выстрел. Мистер Файндлейтер даже подумал, что и в дом лучше войти с черного хода.

Однако, как бы успешно ни проходила генеральная репетиция, актер всегда страшится премьеры. В театре даже бытует мнение, что идеальная генеральная репетиция чуть ли не гарантирует полный провал. Всю последующую неделю мистер Файндлейтер провел в разговорах с Лаладж. Вернее, говорил только он: Лаладж слушала. Монологи эти не отличались разнообразием. Не будь Лаладж ангелом, они бы ей изрядно надоели.

— Видишь ли, дорогая, до последнего момента я могу притворяться... я хочу сказать, пока еще ничего не сделано. Я занимался лишь подготовкой... Разумеется, дорогая, я собираюсь это сделать, но не обязательно же в следующую среду. Может, через неделю. Нет, нет, пожалуй, что в следующую. Я лишь хочу сказать... — А затем продолжал с мольбой в голове: — Это же все наши фантазии, не так ли, Лаладж? Мы с тобой такие выдумщики. Ты с этим согласна, дорогая? Я хочу сказать, никто же не собирается убивать свою жену!

После долгой паузы мистер Файндлейтер заводил другую пластинку.

— Конечно же, я это сделаю. Она отвратительна. Она загубила мою жизнь. Боже мой, из-за нее я провел в аду двадцать лет. Двадцать лет моей жизни! Да, это был ад. День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, сколько же я от нее натерпелся. Едва ли какой мужчина выдержал бы такое. И никто не знает, какие муки мне пришлось вынести. Даже если меня поймают и повесят, я не расскаюсь в содеянном. Но меня не поймают, не так ли, Лаладж? Мы им не по зубам.

И так далее, и так далее, в том же духе...

Во вторник мистер Файндлейтер вернулся из банка в положенное время. Он принял окончательное решение дать Минни еще один, последний шанс. Если в этот вечер она будет вести себя, как обычно, тогда завтра... Но, если... С этой мыслью он вставил ключ в замочную скважину, повернул, открыл дверь, переступил порог.

Из кухни выбежала заплаканная Бриджет.

— О, сэр, — запрочитала она. — Госпожа!

Решительные шаги послышались над головой, на лестнице показались ноги доктора Мэнли. Он спустился в маленький холл, дружески положил руку на плечо мистера Файндлейтера.

— Мужайтесь, Файндлейтер, — молвил доктор. — Вас ждет ужасная весть. Ваша дорогая жена... внезапный обширный инсульт. Все кончилось до моего приезда. Я ничего не смог поделать. Мой бедный, бедный друг.

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.